

Академия Пепла и Короны. Книга первая

ОГОНЬ,
КОТОРЫЙ
НЕ ГАСНЕТ

КНИГА ПЕРВАЯ

Владимир Максимченко

ОГОНЬ, КОТОРЫЙ НЕ ГАСНЕТ

«Автор»

2026

Максимченко В.

**ОГОНЬ, КОТОРЫЙ НЕ ГАСНЕТ / В. Максимченко — «Автор»,
2026**

Её дар считают сломанным — она умеет лишь гасить чужую магию, а не рождать свою. Его приставили к ней шпионом, а не защитником. Но когда фамильная тайна раскрывает: гашение — не изъян, а единственная сила, способная сдержать древний Голод, дремлющий под Клятвой трёх Домов, — Лираэль и Кайдену придётся выбирать между долгом перед кровью и друг другом. Пепел не горит. Но рядом с этим огнём даже самый упрямый пепел начинает светиться золотом. Первая книга цикла «Академия Пепла и Короны» — о запретной связи, пробуждающейся силе и тайне, способной изменить судьбу целого континента.

© Максимченко В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Максимченко

ОГОНЬ, КОТОРЫЙ НЕ ГАСНЕТ

ОГОНЬ, КОТОРЫЙ НЕ ГАСНЕТ

Книга первая цикла «Академия Пепла и Короны»

Глава 1

Метка на запястье Лираэль темнела всякий раз, когда она злилась, — тонкие серые линии, похожие на трещины в остывшем угле, наливались чернотой под кожей, будто кто-то водил внутри неё раскалённой иглой в обратную сторону, забирая тепло, а не давая его. Сейчас Метка была почти чёрной.

— Повторите, — сказала Лираэль. — Я хочу услышать это ещё раз, при всех, чтобы потом никто не говорил, будто я неправильно поняла.

Ректор Кассия Дренн стояла у окна своего кабинета, спиной к свету, так что лицо её оставалось в тени, а седые пряди в чёрных волосах отливали холодным серебром. За её спиной, далеко внизу, серые башни Академии Скрещённых Клинков тонули в утреннем тумане, поднимавшемся от Пепельного озера, — единственного места на континенте, где представители трёх Домов ежедневно проходили друг мимо друга, не обнажая оружие. По крайней мере, формально.

— Совет постановил, — произнесла ректор ровным голосом, каким обычно оглашают приговоры, а не назначения, — что наследнице рода Ашфорд, ввиду возросшей силы её дара и растущего интереса к её персоне со стороны других Домов, необходима личная охрана. Круглосуточная.

— У меня уже есть охрана. Стены Академии.

— Стены не помешали три недели назад кому-то подсыпать искажающий порошок в чернильницу на вашем экзамене по теории гашения, — вежливо возразила Дренн. — Стены — это камень, Лираэль. Камень не бежит быстрее ножа.

Лираэль стиснула зубы так, что заболела челюсть. В комнате, кроме них двоих, стояли ещё трое: декан факультета Пепла — сутулый, вечно извиняющийся человек по фамилии Кроу, который смотрел строго в пол; секретарь совета с папкой документов; и он.

Он стоял у двери, скрестив руки на груди, будто происходящее не имело к нему никакого отношения — просто задержался мимоходом. Высокий, в форменном сером плаще стражи Академии поверх — Лираэль заметила не сразу, потому что не хотела замечать — красной подкладки, которую носят только те, в чьих жилах течёт кровь Дома Пламени. Пусть и разбавленная, судя по тому, как коротко он был подстрижен и как небрежно держался: никто из чистокровных Пламени себе такого не позволял.

— Это он? — спросила Лираэль, не глядя на ректора.

— Кайден Морроу, — представила Дренн. — Третий курс, специализация — боевая магия и сопровождение. Рекомендован капитаном Блэквудом лично.

— Он же из Пламени.

— Наполовину, — сказал сам Кайден, впервые открыв рот. Голос у него был низкий, с той особенной хрипотцой, какая появляется у людей, привыкших либо кричать команды на плацу, либо очень долго молчать. — Что, полагаю, вас и беспокоит.

— Меня беспокоит, — сказала Лираэль, наконец повернувшись к нему всем корпусом, — что Совет решил приставить ко мне соглядата от враждебного Дома и назвал это заботой о моей безопасности.

По лицу Кайдена не пробежало ни тени раздражения. Он смотрел на неё спокойно, почти скучающе, серыми глазами того холодного оттенка, что бывает у пепла, а не у дыма, и это спокойствие бесило сильнее любого ответного выпада.

— Госпожа Ашфорд, — сказал он, — если бы Совет Дома Пламени хотел за вами шпионить, он не стал бы делать это так демонстративно. Обычно за такими вещами не присылают человека в форме, а просто подкупают вашу горничную.

— У меня нет горничной.

— Значит, соседку по комнате.

Декан Кроу издал звук, средний между кашлем и смешком, и тут же сделал вид, что поперхнулся. Ректор Дренн не улыбнулась, но что-то в её взгляде на мгновение смягчилось — так смотрят на детей, которые ссорятся, ещё не зная, что скоро будут неразлучны.

— Решение Совета окончательное, — сказала Дренн. — Кайден Морроу будет сопровождать вас на занятиях, тренировках и во всех вылазках за пределы главного корпуса начиная с сегодняшнего дня. Вы можете подать официальную жалобу, Лираэль. Она будет рассмотрена в течение трёх месяцев.

— Трёх месяцев, — повторила Лираэль с ледяным спокойствием, за которым она прятала желание что-нибудь сжечь — или загасить, потому что жечь она не умела, а вот гасить — да, гасить она умела лучше всех на своём курсе, и именно поэтому её вообще приняли в Академию, а не потому, что род Ашфорд был кому-то интересен.

Дом Пепла не жгли и не хоронили с почестями. Дом Пепла терпели.

— Три месяца, — подтвердила ректор. — За это время, я уверена, вы оба успеете привыкнуть друг к другу.

Новость облетела курс Дома Пепла быстрее, чем Лираэль успела дойти от кабинета ректора до общего зала. К обеду на неё уже смотрели — кто с сочувствием, кто с плохо скрытым злорадством: наконец-то и высокомерную Ашфорд поставили на место, приставив к ней надзирателя, как к преступнице.

— Тебе повезло хотя бы, что он симпатичный, — сказала Ниса, единственная, кого Лираэль могла назвать подругой, усаживаясь напротив с подносом. — Могли бы прислать старую гримзу из стражи с плёткой вместо меча.

— Он из Пламени, Ниса.

— Половина из Пламени. У бастардов свои счёты с чистокровными, если ты понимаешь, о чём я. Может, он тебе не враг, а просто ещё один сломанный, только с другой стороны.

Лираэль посмотрела через зал туда, где Кайден Морроу стоял у входа — не садясь, не присоединяясь ни к одному из столов, — и делал вид, что изучает расписание тренировок, приколотое к доске объявлений. На самом деле, поняла она, он считывал зал: кто где сидит, кто на кого смотрит, где запасные выходы. Профессиональная привычка, а не праздное любопытство.

Метка «сломанный» — так называли род Ашфорд последние пятьдесят лет, с тех самых пор, как прадед Лираэль, Гидеон Ашфорд, сделал что-то — никто толком не помнил что, — из-за чего Дом Пепла впал в немилость у двух остальных Домов сразу. Официальная версия гласила: он предал доверие во время Великого Разлома. Неофициальная версия — та, которую шептали по углам, — гласила, что он сошёл с ума и попытался в одиночку остановить силу, с которой не мог совладать никто.

Лираэль в детстве слышала обе версии одинаковое количество раз и не верила ни одной.

Она встала из-за стола, оставив поднос почти нетронутым, и направилась прямо к доске объявлений — туда, где стоял Кайден.

— У тебя есть какие-то полномочия, — сказала она без предисловий, — или ты просто будешь ходить за мной, как привязанный?

— И то, и другое, — ответил он, не отрываясь от расписания. — Официально я обязан сопровождать вас на всех занятиях и вылазках. Неофициально — я обязан докладывать своему куратору в Доме Пламени о вашем самочувствии, успеваемости и любых подозрительных контактах.

Она не ожидала, что он признается так прямо. Это выбило её из колеи сильнее, чем любая ложь.

— И ты вот так просто мне об этом рассказываешь?

Кайдэн наконец повернул голову, и в первый раз с того момента, как они встретились в кабинете ректора, в его серых глазах промелькнуло что-то похожее на настоящий интерес — не к её силе, не к её фамилии, а к ней самой, будто он взвешивал, стоит ли с ней разговаривать честно.

— Я подумал, — сказал он, — что вам будет проще ненавидеть меня открыто, чем подозревать втихую. Это экономит время нам обоим.

— Как заботливо с твоей стороны.

— Я стараюсь.

Где-то в глубине здания пробил колокол, отмечающий начало второго урока — теория прикладного гашения, единственный предмет на курсе, где Лираэль неизменно была лучшей, потому что дар, который все называли сломанным, здесь наконец приносил ей не стыд, а превосходство. Она подхватила сумку с книгами и пошла, не оборачиваясь, уверенная, что он последует за ней, — и он последовал, ровным, беззвучным шагом человека, привыкшего охранять чужие спины, не привлекая к себе внимания.

Она ненавидела, что этот шаг её не раздражал.

Метка на её запястье, до этого угольно-чёрная от злости, постепенно светлела — возвращалась к обычному серому оттенку присмирившего пепла. Лираэль сказала себе, что это просто потому, что первый приступ гнева прошёл.

Она соврала себе не в первый раз за этот день — и точно не в последний.

Глава 2

Тренировочный двор Академии располагался в низине между тремя учебными корпусами — специально, как объясняли студентам на первом курсе, чтобы возможные последствия магических дуэлей не долетали до жилых башен. Земля здесь была утоптана до каменной твёрдости, а по периметру шёл ров с проточной водой: старая предосторожность против огня, который слишком легко перекидывался с одного бойца на всю арену.

Лираэль не любила эти занятия. Не потому, что боялась боли — Метка приучила её к боли задолго до Академии, — а потому, что здесь её дар выглядел особенно уродливо на фоне остальных.

Когда Дариан из Дома Пламени поднимал руку, между его пальцами рождался огонь — живой, золотой, красивый даже в своей опасности. Когда Иона из Дома Ворона произносила слова заклинания, вокруг неё сгущались тени, полные шёпота ушедших душ, — жутко, но завораживающе. А когда Лираэль поднимала руку, ничего не рождалось. Она просто гасила. Огонь Дариана — тух. Тени Ионы — рассеивались, будто их и не было. Дар без цвета, без формы, без красоты. Дар отрицания.

— Ашфорд и Морроу, — объявил инструктор Хейл, сверяясь со списком. — Учебный поединок. Оружие — стандартное, магия ограничена третьим уровнем.

Лираэль замерла.

— Простите, — сказала она, — но мой телохранитель не должен участвовать в поединках со мной. Это конфликт интересов.

— Это как раз и есть проверка вашего взаимодействия, госпожа Ашфорд, — невозмутимо ответил Хейл. — Совет настоял, чтобы назначенная охрана продемонстрировала способность защищать подопечную в бою, а не только в коридорах.

Кайдэн уже стоял на границе тренировочного круга, скинув форменный плащ и оставшись в простой тренировочной рубашке, что открывала предплечья, испещрённые старыми, явно не боевыми шрамами — слишком ровными, слишком одинаковыми. Тренировочные шрамы. Годы дисциплины, а не годы удачи.

— Не волнуйтесь, госпожа Ашфорд, — сказал он с той же ровной интонацией, что и в кабинете ректора. — Я постараюсь не покалечить вас слишком сильно.

— Как самонадеянно.

— Я стараюсь.

Хейл дал сигнал, и Дариан со своей парой синхронно отступили к краю площадки, освобождая место для показательного боя. Лираэль почувствовала на себе взгляды всего курса — и что-то внутри неё, тёмное и упрямое, решило: раз уж придётся драться, она не позволит этому надзирателю выставить себя героем перед всей Академией за её счёт.

Он атаковал первым — не магией, а простым, отработанным выпадом учебного клинка, явно проверяя её реакцию, а не пытаясь ранить. Лираэль отбила удар неловко, но вовремя, и краем сознания зацепила его Метку — узкую полосу на предплечье, скрытую под тканью, которая от контакта с её силой на мгновение вспыхнула тревожным алым, будто почувствовала врага.

— Вы боитесь использовать дар, — заметил он, отступая на шаг и снова наступая, на этот раз чуть быстрее. — Почему?

— Не твоё дело.

— Как ваш телохранитель, — он парировал её встречный удар с почти оскорбительной лёгкостью, — это буквально моё дело.

Она разозлилась — и это оказалось ошибкой, потому что злость толкнула её сделать именно то, чего она избегала: выпустить дар не точно, не аккуратно, а широкой волной, как учили в самом начале, до того как она научилась контролю. Гашение хлынуло из неё во все стороны разом — и по счастливой, а вернее, несчастливой случайности, задело закрепление на потолочной балке над тренировочным кругом, где хранился накопитель для показательных чар.

Балка держалась на магическом креплении. Крепление держалось на слабом, третьего уровня, зачаровании. Зачарование погасло вместе со всем остальным в радиусе её выброса.

Балка с накопителем — тяжёлым куском зачарованного камня размером с человеческую голову — пошла вниз, прямо туда, где несколько мгновений назад ещё стоял инструктор Хейл, не заметивший опасности за спиной.

Кайдэн увидел это раньше, чем она успела крикнуть предупреждение. Он преодолел расстояние до Хейла в два шага — недостаточно быстро, чтобы оттолкнуть его целиком, но достаточно, чтобы принять удар на собственное плечо вместо инструкторской головы. Раздался глухой, страшный звук — камня о кость, — и Кайдэн со сдавленным выдохом рухнул на колени, но Хейл остался цел, лишь пошатнулся от толчка.

На тренировочной площадке повисла тишина, в которой было слышно, как где-то за рвом кричат чайки над Пепельным озером.

Лираэль первой добежала до него — быстрее, чем успела подумать, зачем.

— Не смей умирать, — сказала она резко, опускаясь рядом на колени, руки уже скользили по его плечу в поисках раны, хотя она понятия не имела, что будет делать, если найдёт что-

то серьёзное. — Не смей, слышишь, это будет выглядеть так, будто я тебя убила в первый же день, а мне ещё три месяца жаловаться на тебя Совету.

Кайден рассмеялся — коротко, сквозь зубы, явно преодолевая боль, — и этот смех удивил её больше, чем всё остальное, случившееся за день.

— Приятно знать, — выдавил он, — что вас беспокоит именно это.

— Заткнись и дай посмотреть.

Плечо было не сломано — Хейл, подоспевший следом, быстрым осмотром установил сильный ушиб, возможно, трещину, — но не то, что грозило Кайдену смертью. Он всё равно позволил себя увести в лазарет, опираясь на плечо Лираэль сильнее, чем того требовала простая вежливость, и она позволила себе не отталкивать его — тоже сильнее, чем того требовала простая вежливость.

— Это ты виновата, — сказал он по дороге, без злобы, скорее с усталой констатацией факта. — Твой выброс погасил крепление.

— Я знаю.

— Ты не извинишься?

Лираэль посмотрела на него — на бледное от боли, но упрямо ироничное лицо, на плечо, за которое он всё-таки взял чужой удар, предназначенный не ей, а инструктору, которого он даже не обязан был защищать ценой себя, потому что его обязанность была защищать её, и только её.

— Спасибо, — сказала она вместо извинения, и это далось ей труднее, чем она ожидала. — За Хейла. Ты не обязан был.

— Обязан, — возразил Кайден тихо. — Просто не перед тем, перед кем вы думаете.

Она не спросила, что он имел в виду. Но запомнила эти слова — и весь остаток дня Метка на её запястье оставалась светлее, чем обычно, будто что-то внутри неё, привыкшее гасить, впервые за долгое время не спешило это делать.

Глава 3

Архив Академии Скрещённых Клинков занимал всё западное крыло третьего корпуса — семь этажей стеллажей, поднимавшихся спиралью вокруг центральной шахты, где хранились самые старые, самые хрупкие манускрипты под слоем зачарованного стекла. Публичным студентам открыты были только первые два этажа. Остальное считалось владением преподавательского состава — и, по слухам, самой ректора Дренн, которая, если верить легендам, помнила содержимое каждого свитка наизусть.

Лираэль пришла сюда сразу после отбоя, накинув поверх форменного платья тёмный плащ, украденный — точнее, одолженный без спроса — у соседки по комнате. План был прост: архивариус, старик по фамилии Меррик, уходил домой ровно в десять, оставляя дежурного помощника, который в это время суток обычно дремал за конторкой у входа. У Лираэль было полчаса, может, чуть больше.

Она искала документы о прадеде не в первый раз. За три года в Академии она успела перерыть все доступные ей архивы Дома Пепла в надежде найти хоть что-то, что объяснило бы, почему Гидеона Ашфорда называют предателем — и почему это клеймо до сих пор липнет к каждому носителю фамилии, будто пятьдесят лет назад что-то внутри самой этой фамилии прогнило настолько глубоко, что уже не отмыть.

Второй этаж молчал, освещённый редкими зачарованными светильниками, приглушёнными до сонного оранжевого свечения. Лираэль скользила между стеллажами, читая таблички с годами — архив был организован по эпохам, а не по темам, что делало поиски мучительно медленными.

Она как раз добралась до полки, помеченной годами Великого Разлома, когда услышала за спиной знакомые, слишком тихие для случайного шума шаги.

— Если бы я не знал вас три дня, — раздался голос Кайдена из темноты между стеллажами, — я бы решил, что вы либо очень храбрая, либо очень глупая.

Лираэль подскочила от неожиданности, едва не уронив свиток, который держала в руках.

— Ты что здесь делаешь?

— Моя работа — быть там, где вы, — ответил он, выходя на свет. Плечо у него было всё ещё перевязано после вчерашнего, но двигался он свободно, будто боль его почти не сдерживала. — А вы, госпожа Ашфорд, вышли из спальни в час, когда по правилам Академии должны быть за дверью своей комнаты. Я обязан либо доложить об этом, либо составить вам компанию.

— И что ты выбираешь?

Он посмотрел мимо неё, на полку с годами Разлома, потом снова на неё — и что-то в его взгляде изменилось, стало пристальнее, серьезнее.

— Смотря что вы здесь ищете, — сказал он.

Лираэль могла солгать. Она репетировала ложь на такой случай десятки раз: скажет, что готовится к экзамену по истории, что не может уснуть, что угодно. Но что-то в его усталом, честном признании вчера — «обязан, просто не перед тем, перед кем вы думаете» — заставило её вместо этого сказать правду.

— Прадеда, — произнесла она тихо. — Все зовут его предателем. Никто не говорит почему. Я хочу знать, что он на самом деле сделал во время Разлома.

Кайден долго молчал, глядя на неё в полумраке архива, среди пыльных полок и запаха старой бумаги.

— Знаете, — сказал он наконец, — мой отец — чистокровный Пламени. Он никогда не признавал меня официально, потому что моя мать была простолюдинкой без капли магической крови. Я ношу его фамилию только потому, что моё собственное пламя оказалось достаточно сильным, чтобы Дом не мог сделать вид, будто меня не существует. Так что я, пожалуй, понимаю немного, каково это — доказывать, что твоё имя не значит того, что о нём говорят.

Лираэль не ожидала откровенности в ответ на откровенность. Она замерла, не зная, что сказать, — и в этой паузе Кайден шагнул мимо неё к полке, провёл пальцем по корешкам свитков, пока не остановился на одном, чуть более тёмном и потрёпанном, чем остальные.

— Это личные записи преподавателей того времени, — сказал он. — Не официальная хроника Совета. Такие записи иногда честнее.

— Откуда ты знаешь, где искать?

— Я провёл в этом архиве больше времени, чем хотел бы признавать, — ответил он, протягивая ей свиток. — У бастардов, госпожа Ашфорд, тоже есть предки, которых хочется понять.

Лираэль взяла свиток осторожно, будто он мог рассыпаться от неверного прикосновения. Печать на нём была старой, потемневшей от времени, и, когда она попыталась её сломать, печать вспыхнула тускло-серым светом — защитное заклятие, не позволяющее прочитывать содержимое без особого ключа.

— Заперто, — сказала она с досадой.

— Разумеется, — Кайден смотрел на печать с интересом, какого раньше не проявлял ни к чему, связанному с ней. — Это защитная магия хранения, третий уровень примерно. А что, если...

Он не договорил. Лираэль уже поняла его мысль сама — и, прежде чем успела испугаться последствий, положила ладонь поверх печати и позволила своему дару хлынуть узкой, осторожной струйкой, как учили на занятиях по прикладному гашению: не волной, а нитью, направленной точно в цель.

Печать вспыхнула в последний раз — и погасла навсегда, рассыпавшись серым пеплом у неё между пальцев.

Свиток раскрылся сам, будто вздохнув с облегчением.

Кайден посмотрел на неё — не с презрением, не с настороженностью, с которой смотрели на её дар почти все, кого она знала, — а с чем-то похожим на восхищение, тщательно спрятанное за профессиональной сдержанностью.

— Вот видите, — сказал он тихо. — Не такой уж сломанный дар.

Лираэль ничего не ответила. Она уже читала первые строчки, выведенные знакомым, хоть и незнакомым ей лично почерком — почерком человека, которого она никогда не встречала, но чью кровь носила в себе всю жизнь.

«Я не предавал Дом Пепла, — гласила первая строка. — Я пытался спасти всех нас от того, что мы сами выпустили на волю».

Глава 4

Их вызвали к ректору на следующее утро, ещё до завтрака — записка была короткой и не оставляла места для сомнений: *«Немедленно. Обоих. К.Д.»*

Лираэль всю ночь не спала, читая и перечитывая свиток при свете единственной свечи, спрятавшись под одеялом, чтобы не разбудить соседку по комнате. Она успела выучить первые несколько абзацев почти наизусть, хотя дальше текст обрывался — не физически, свиток был цел, — а по смыслу: прадед писал загадками, полунамёками, будто боялся, что его записи попадут не в те руки даже спустя десятилетия после его смерти.

«Три Дома думают, что Клятва Основателей — это просто древний договор о мире, — писал Гидеон Ашфорд. — Они ошибаются. Клятва — это плотина. А то, что она сдерживает, никуда не делось. Оно просто ждёт своего часа».

— Вы обе выглядите так, будто не спали, — заметила ректор Дренн, когда Лираэль и Кайден вошли в её кабинет. Утренний свет падал сквозь высокие окна, освещая комнату иначе, чем вчера вечером, — резче, откровеннее, без теней, за которыми можно спрятаться. — Присаживайтесь.

Они сели. Кайден держался безупречно ровно, как и полагалось будущему офицеру стражи, но Лираэль заметила, как он бросил быстрый взгляд на дверь — оценивал пути отхода, привычка, от которой он, судя по всему, не мог избавиться даже в кабинете самой ректора.

— Архивариус Меррик сообщил мне, — начала Дренн, складывая руки на столе, — что вчера ночью кто-то воспользовался его отсутствием, чтобы получить доступ к закрытым фондам третьего этажа. Печать на одном из свитков — личных записях эпохи Великого Разлома — оказалась уничтожена. Не взломана. Уничтожена целиком, без следа магического воздействия, которое можно было бы отследить обычными средствами.

Она посмотрела на Лираэль долгим, немигающим взглядом.

— Единственный дар, способный на подобное, госпожа Ашфорд, это ваш.

Повисла тишина. Лираэль почувствовала, как Метка на её запястье начинает темнеть — не от злости на этот раз, а от страха, — и заставила себя сохранять спокойствие внешне, хотя внутри всё сжалось в тугой узел.

— Я не буду отрицать, — сказала она наконец. — Это была я.

— Лираэль...

— Нет, — она перебила Кайдена резче, чем намеревалась. — Он здесь ни при чём. Это было моё решение.

Ректор Дренн подняла бровь — едва заметно, но Лираэль уловила движение.

— Как благородно с вашей стороны, — заметила Дренн, — защищать своего телохранителя от последствий, которые он разделил с вами добровольно. Впрочем, я говорила не о наказании.

Лираэль моргнула.

— Простите?

— Я спрашиваю не о том, кто виноват в нарушении режима архива, — Дренн встала из-за стола и подошла к окну, глядя вниз, на туман над Пепельным озером, будто искала там ответы. — Я спрашиваю о том, что вы нашли в этом свитке. Потому что если это то, о чём я думаю, вам обоим следовало прийти ко мне сразу, а не читать это в одиночку под одеялом всю ночь.

— Откуда вы знаете, что...

— Потому что этот свиток, — тихо перебила Дренн, не оборачиваясь, — я сама спрятала в закрытом фонде тридцать лет назад. И я всегда знала, что рано или поздно кто-то из рода Ашфорд его найдёт. Я просто не думала, что это случится так скоро.

Кайден напрягся рядом с Лираэль — она почувствовала это скорее кожей, чем взглядом, лёгкое изменение в его позе, готовность к действию, которую в нём выработали годы тренировок.

— Вы знали моего прадеда, — сказала Лираэль медленно, складывая одно с другим. — Лично.

Ректор Дренн наконец обернулась. В резком утреннем свете её лицо казалось старше, чем обычно, — и одновременно моложе, будто под слоем властной сдержанности проступило что-то давно спрятанное, человеческое.

— Я знала многих людей той эпохи, — сказала она уклончиво. — Гидеон Ашфорд не был предателем, Лираэль. Но правда о том, кем он был, слишком опасна, чтобы раскрывать её по кускам — особенно сейчас.

— Почему сейчас? — тут же спросил Кайден.

Дренн посмотрела на него так, будто впервые по-настоящему разглядела в нём не просто телохранителя, а человека, задающего правильные вопросы.

— Потому что признаки, которые Гидеон описывал полвека назад, — сказала она тихо, — снова начали проявляться. И на этот раз рядом с плотиной, если вы позволите мне продолжить его метафору, нет никого, кто помнил бы, как её чинить.

Она вернулась за стол, и когда заговорила снова, голос её стал прежним — собранным, официальным, будто разговор о плотинах и Разломах никогда не происходил.

— Формально, — сказала Дренн, — я обязана наказать вас обоих за нарушение режима архива. Неформально — я даю вам доступ к остальным личным записям того периода, при одном условии: всё, что вы найдёте, остаётся между нами троими. Никакого Совета. Никаких Домов. Пока я сама не решу, что время пришло.

— А если мы найдём что-то, что Советам стоило бы знать немедленно? — спросила Лираэль.

— Тогда, — ректор Дренн слабо, почти незаметно улыбнулась, — я надеюсь, вы оба окажетесь достаточно умны, чтобы прийти сначала ко мне, а не к своим Домам. Учитывая, чей герб вы носите на плаще, господин Морроу, и чью фамилию вы носите, госпожа Ашфорд, — верность крови не всегда означает верность правде.

Когда они вышли из кабинета, утренний туман над озером уже начал рассеиваться, и Лираэль впервые за долгое время почувствовала не привычный стыд за фамилию Ашфорд, а нечто совершенно иное — азарт, смешанный со страхом, и почти детское, непрощеное желание, чтобы человек, идущий рядом с ней плечом к плечу, оставался рядом и дальше.

Орин из Дома Пепла работал помощником архивариуса вторым семестром подряд — должность, которую большинство студентов считали унижительной синекурой для тех, чей дар был слишком слаб для настоящей боевой практики, но которая на деле давала ему доступ туда, куда не пускали даже старшекурсников.

Лираэль нашла его в тот же вечер, в маленькой комнатке за читальным залом, где он разбирал стопку каталожных карточек при свете единственной лампы.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала она без предисловий.

Орин поднял на неё усталые глаза — он был на курс младше, худой, с вечно запачканными чернилами пальцами, и Лираэль знала его достаточно, чтобы понимать: он один из немногих в Академии, кто относился к клейму «сломанных» без стыда, почти с вызовом.

— Ты насчёт вчерашнего? — спросил он. — Меррик весь день ворчал про уничтоженную печать. Я так понимаю, это ты.

— Ректор уже знает. Она разрешила нам доступ к остальным записям того периода. Официально — под её личным контролем. Но мне нужен кто-то, кто знает архив лучше, чем сама Дренн готова признать при Совете.

Орин посмотрел мимо неё, туда, где в тени коридора терпеливо ждал Кайден, — и его лицо на мгновение застыло в настороженности, которую Лираэль слишком хорошо узнавала: так смотрели друг на друга представители Пепла и Пламени, когда думали, что их никто не видит.

— Ты приводишь его в наши дела? — спросил Орин тихо.

— Он и так уже в них по уши, — ответила Лираэль. — Вопрос не в том, доверять ли ему. Вопрос в том, есть ли у нас выбор.

Орин долго молчал, изучая её лицо, будто искал в нём подтверждение или опровержение своим сомнениям. Потом вздохнул и отложил карточки.

— Запретное крыло на седьмом этаже открывается только ключом ректора, — сказал он. — Но есть старый служебный ход через хранилище зачарованных чернил, которым архивариус давно не пользуется, потому что забыл о его существовании. Я знаю о нём, потому что провёл здесь два года, разбирая то, что никому не было интересно разбирать.

Он встал, снял с крючка на стене связку старых, потемневших от времени ключей и повёл их за собой мимо рядов молчаливых стеллажей, туда, где в самом дальнем углу здания пряталась низкая дверь, почти неотличимая от деревянной панели.

— Вот, — сказал Орин, поворачивая ключ в скрипучем замке. — Только предупреждаю: там пыльно, темно и, возможно, пара защитных заклятий, которые Меррик тоже забыл разминировать.

Запретное крыло встретило их сухим, спёртым воздухом старой бумаги и застоявшейся магии. Свитки здесь хранились не на открытых полках, а в запертых деревянных шкафах с латунными табличками, где значились не имена, а даты, — и Лираэль, скользя взглядом по рядам, быстро нашла то, что искала: шкаф с годами, непосредственно предшествующими Великому Разлому.

— Осторожно, — предупредил Кайден, когда она потянулась к замку. — Дренн говорила про защитные заклятия. Дай сначала проверю.

Он провёл рукой над замком, и на мгновение его ладонь окуталась тонким слоем жара — не пламенем, а именно проверочным теплом, каким маги его Дома привыкли прощупывать пространство перед собой.

— Чисто, — сказал он. — Дренн, похоже, действительно сняла защиту заранее. Ждала, что мы придём.

Внутри шкафа обнаружилась целая стопка личных записей — не только Гидеона Ашфорда, но и других преподавателей той эпохи, чьи имена Лираэль слышала впервые: настав-

ница по имени Ирис Вейл — та самая фамилия, что носила сейчас леди Морвенна, — и человек, подписывавшийся просто инициалами «К.Д.».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.